

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ СВА И ЮВА (АНАЛИЗ ПРИНЦИПОВ ПОДХОДА)

Владимир Яшкин

С начала перестройки в СССР прошло десять лет и пять лет — с начала так называемой радикальной экономической реформы в России. Итоги этой реформы общеизвестны. Стремление менять, ничего не меняя, свойственное эпохе Горбачева, и разрушать старое без адекватного становления нового, как это происходит сейчас, в эпоху Ельцина, дорого обошлось экономике и населению. В 1991 — 95 гг. объем ВВП Российской Федерации сократился вдвое, втрое уменьшились реальные доходы на душу населения, норма чистого накопления находится практически на нуле и две трети производственных мощностей — на грани физического выветывания. Есть мнение, что первый (разрушительный) этап реформы пройден и что теперь, когда финансовая стабилизация вроде бы достигнута, начнется новый (созидательный) этап подъема и структурной перестройки экономики. Хотелось бы, конечно, верить в чудо, да только не ясны стратегия и механизм его реализации. Между тем есть страны, чей опыт экономических преобразований не дал столь печальных результатов, например, в некоторых странах Восточной Азии, где реформы сопровождались подъемом экономики (КНР и СРВ), хотя справедливости ради надо признать, что в том же регионе есть и примеры противоположного свойства — страны, где реформы или отсутствие таковых привели к развалу или длительной стагнации экономики (МНР и КНДР).

Распад этатрагического способа производства в азиатских странах, если брать политическую сторону этого процесса, идет в целом медленнее, чем в Европе, но экономические реформы в этих странах, если не брать, конечно, крайне неудачный опыт МНР и КНДР, носят более конструктивный характер, по крайней мере в том смысле, что не только не вызвали падения производства, как в Европе, а напротив, привели к значительному ускорению темпов экономического развития. Главное отличие состоит в том, что экономические реформы проводятся здесь под строгим контролем государства, которое обеспечивает не только политическую стабильность, столь необходимую для успеха экономических преобразований, но и имеет четкое и ясное видение стратегии этих преобразований.

Конечно, затяжка с политической модернизацией общества в этих странах рано или поздно скажется и на темпах экономических преобразований. Но пока следует признать, что опыт этих стран являет собой разительный контраст с результатами экономических реформ в европейских странах, даже в тех из них, что не испытали шоковой терапии или испытали ее в минимальной степени.

Это объясняется, конечно, не только политическими причинами, прежде всего, более высокой степенью стабильности и преемственности политических режимов, а и рядом объективных экономических моментов, значительно облегчивших проведение экономических реформ:

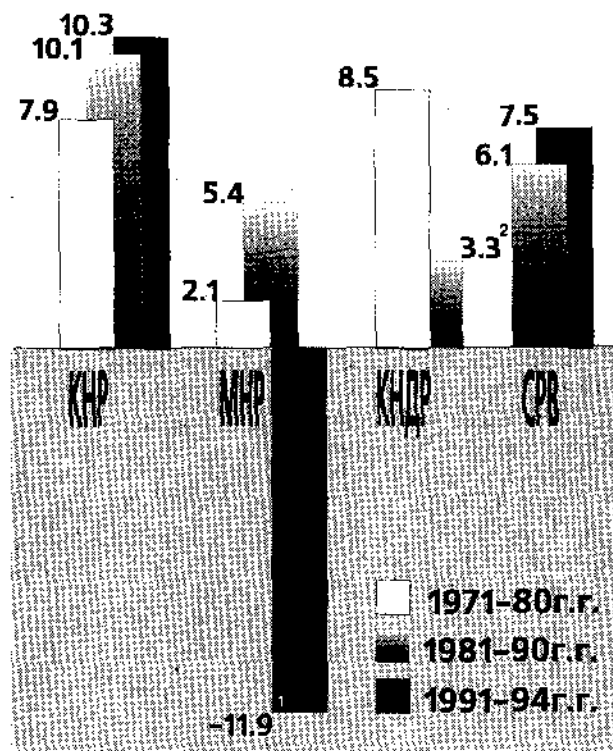
прежде всего, более низким уровнем обобществления и централизации экономики и, если брать не формальное, а реальное положение дел, менее жесткими формами ее управления;

несравненно более значительной ролью в экономике аграрного сектора, менее зависимого от централизованной системы снабжения и сбыта и (в силу устойчивости мелкособственнических традиций) легче поддающегося трансформации в рыночную систему, в том числе путем развития местной (мелкой) промышленности и торговли;

более благоприятным географическим положением — близостью к ТОР¹ — наиболее динамичной зоне мирового хозяйства и, как следствие, возможностью не только пользоваться его емким рынком капитала и товаров, но и перенимать его опыт организационно-экономических преобразований (Южная Корея, Тайвань, страны АСЕАН).

Примечательно также, что переход к рыночной экономике в этой группе стран происходит без шоковой терапии, полного разрушения централизованного управления и обвального отпуска цен, а путем постепенной либерализации хозяйственной системы и, самое главное, без широкомасштабного перераспределения собственности под видом приватизации, а путем посте-

темпы роста ВВП в социалистических странах Восточной Азии

Примечание: ¹ — 1991-91 гг., ² — 1981-84 и 1986-89 гг.

Владимир Андреевич Яшкин — доктор экономических наук, Институт Востоковедения Российской Академии Наук.

пенного открытия экономики для нарождающихся частнособственных форм хозяйства.

В итоге глубокие изменения, которые произошли в структуре собственности и организации экономики этих стран сопровождались не деградацией производства и обнищанием народа, а напротив, ускорением темпов экономического роста и повышением, хотя и медленным, уровня благосостояния трудящихся.

Рассмотрим подробно реформы в Китае. В послереволюционном развитии экономики Китая можно выделить три больших периода:

— период, начиная с победы революции и до “большого скачка” (1950-57 гг.). В этот период были заложены основы общественного сектора экономики и на базе его была создана централизованная система управления и планирования примерно на тех же организационных принципах бюрократического централизма, что и в СССР, хотя и первоначально в менее жестких формах в силу преобладания мелкого крестьянского и ремесленного производства.

— период от “большого скачка” и до начала реформы хозяйственного механизма на рыночной основе. Начальный этап этого периода сопровождался резким взлетом уровня формального обобществления экономики в рамках “народных коммун”. Предполагалось, что этот курс на обобществление экономики приведет к бурному росту производительных сил и позволит в кратчайшие исторические сроки (быть может, даже раньше, чем в СССР) заложить материальные основы для перерастания “социалистического” общества Китая в “коммунистическое”. В связи с этим контрольные показатели второго пятилетнего плана (1959 — 62 гг.) были резко увеличены вне всякой связи с ресурсным обеспечением и возможностями системы управления.

Этот заведомо авантюристический курс завершился сокрушительным провалом, практически полной дезорганизацией, а затем и дезинтеграцией экономики. На деле большой скачок вперед обернулся большим скачком назад, так как после кратковременного взлета началось резкое падение производства, которое (уже в ходе так называемого процесса “урегулирования”) сменилось длительной стагнацией экономики и стойким понижением жизненного уровня народа. В конце второго пятилетнего плана промышленность была отброшена почти к исходному уровню 1958 г., а сельское хозяйство — к уровню 1954 г.

— период, начавшийся в 1978 г., когда был сделан решительный поворот к развитию рыночных отношений, и продолжающийся с некоторыми отступлениями по сей день. Правда, вначале реформа затронула в основном сельские районы, поскольку было сочтено, что предпосылки для реформы городской экономики еще не созрели. Но уже в 1984 г. началась реорганизация государственного сектора в несельскохозяйственных отраслях. Важно также отметить, что в ходе преобразований и по мере накопления опыта менялась и сама философия реформ. Если вначале реформы осуществлялись под лозунгом “план — решающий, а рынок — вспомогательный фактор”, то после 1984 г. девизом реформ стало сочетание плана и рынка, или, как впоследствии разъяснялось на XIII съезде КПК (1987 г.), “государство регулирует рынок, а рынок руководит предприятием”.

К числу ключевых направлений преобразования экономической системы КНР относятся:

— аграрная реформа, предусматривавшая отказ от народной коммуны как формы организации производства и деколлективизацию сельского хозяйства на основе внедрения арендных отношений и семейного подряда, что привело к усилению материальной заинтересованности крестьянства, подъему сельскохозяйственного производства и тем самым позволило перенести реформы в городской сектор экономики.

— реформа государственных предприятий, предусматривающая расширение их хозяйственной самостоятельности, внедрение полного хозрасчета и контрактной системы, далее, переход к акционированию и другим формам приватизации государственной собственности. В 80-е гг. был значительно сужен круг централизованно планируемых показателей и ослаблена роль централизованной системы снабжения и сбыта, отчисления от прибыли были заменены налогом, расширены права предприятий по формированию фондов стимулирования и развития, введены плата за капитал и рентные платежи за природные ресурсы. Все это в сочетании с реформой распределения и цен привело к заметному укреплению базы самофинансирования и расширению сферы рыночных отношений, в том числе с вышестоящими (отраслевыми и региональными) органами управления, взамен внеэкономической системы рычагов, действовавшей в прошлом. Контрактная система, которая начала внедряться в государственном секторе с начала 80-х гг., к началу 90-х гг. получила практически всеобщее распространение. Эти нововведения были закреплены в новом законе о предприятии (1988 г.) и в пакете законов, уточнявших его роль в системе рыночных отношений, в частности, в законе о банкротстве и в законе о долгосрочной аренде (лизинге). После XXIII съезда КПК реформа государственных предприятий вступила в новый этап: на третьем пленуме ЦК КПК было принято решение о преобразовании государственных предприятий в самостоятельные субъекты хозяйствования, крупных — в АО и ТОО, а малых — в ТОО, акционерно-кооперативные или индивидуальные (частные) предприятия, хотя право контроля по-прежнему остается за государством, а официальной задачей реформы считается создание макроэкономических основ “социалистической рыночной экономики”.

— либерализация частного сектора. В результате национализации и кооперирования, а также массового преобразования частно-капиталистических форм хозяйства в государственно-капиталистические, частный сектор КНР практически прекратил свое существование. В ходе реформ, особенно с принятием закона о частном предпринимательстве (1988 г.) и внесением соответствующих поправок в Конституцию, ситуация коренным образом изменилась: частный сектор смог не только восстановить, но и упрочить свои позиции. Правда, основу этого сектора по-прежнему образуют мелкие (мелкотоварные и мелкокапиталистические) предприятия кустарного типа. Однако в результате бурного роста смешанного и иностранного предпринимательства и особенно с началом приватизации в государственном секторе эта характеристика, безусловно верная для конца 80-х гг., похоже, уходит в прошлое.

— реформа товарного обращения, предусматривавшая децентрализацию системы снабжения и сбыта, а затем и замещение ее рыночными формами (торговлей) при переходе к рыночным принципам формирования цен. В середине 80-х гг. рыночные цены охватывали уже свыше 30% реализуемой продукции (результат час-

тичной отмены госзаказа и госфондирования), 20-30% реализовывались по договорным (плавающим) ценам и 40-50% по плановым (фиксированным) ценам. К концу 80-х гг. численность товаров и товарных групп, подлежащих централизованному контролю в промышленности, уменьшилась вдвое, а их доля в товарообороте — с 40 до 17%.

— рационализация финансовой и кредитной надстройки, приведение ее в соответствие с многоукладной структурой экономики и рыночными условиями деятельности агентов производства и обмена. В 1980-93 гг. доля государственного бюджета в ЧВП (по доходам) понизилась с 29,4% до 20,4%, а доля центрального бюджета в консолидированном бюджете (по расходам) — с 53,7 до 37,0% при одновременном росте роли кредитных институтов с перспективой превращения кредитной сферы в главный канал перераспределения денежных ресурсов и главный рычаг поддержания равновесия на макроэкономическом уровне.

— реформа внешнеэкономических связей, предусматривавшая отмену монополии государства на внешнеэкономические связи и резкое расширение круга субъектов внешнеэкономических отношений, поэтапную либерализацию внешней торговли и постепенное снятие ограничений на деятельность иностранного капитала.

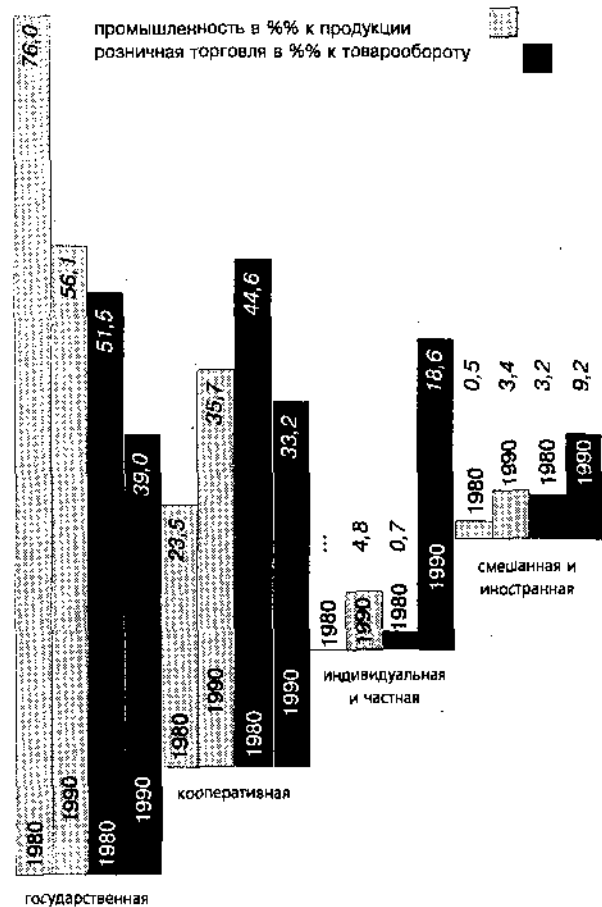
Как и во всех странах с переходной экономикой экономические реформы в КНР начались с децентрализации системы управления и либерализации сферы обращения, в частности торговли и цен, которые рассматривались как необходимое условие для успешного старта рыночной экономики. Но уже в ходе реформ дальнейшее сужение контрольно-распорядительных и плано-распределительных (снабжение-сбытовых и кредитно-финансовых) функций государства шло вслед за изменениями в отношениях собственности, закрепляя их. В итоге доля товаров, подлежащих административному контролю, т.е. распределяемых через централизованную систему снабжения и сбыта по фиксированным ценам, понизилась до 17% (1989 г.), а доля центрального бюджета (централизованного финансового фонда государства) в ВВП — до 19% (1993 г.). Но это не вызвало шока в экономике именно потому, что либерализация проводилась поэтапно и не в последний момент, в обстановке жесточайшего финансового кризиса и развала хозяйственного механизма, как это было в странах СНГ.

Итоги реформ. В результате реформ структура и организация экономики КНР коренным образом изменились:

Во-первых, значительно изменилась структура собственности. Если до начала реформ, хотя и с большими отклонениями, шел процесс свертывания многоукладности, превращения ее в моноукладную структуру, то в ходе реформ нарастало многообразие форм хозяйства как путем целенаправленного преобразования общественных форм хозяйства в частные, так и за счет автономного развития частных форм хозяйства под контролем государства.

Крупные сдвиги произошли в деревенском секторе экономики, который, освободившись от крепких объятий коммун и кооперативов, дал мощный взлет частно-собственнических форм хозяйства, особенно в несельскохозяйственных отраслях (мелкой промышленности и торговле). Статистически эти сдвиги еще трудно уловимы вследствие переплетения частных и

СТРУКТУРА СОБСТВЕННОСТИ В ГОРОДСКОМ СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ КНР

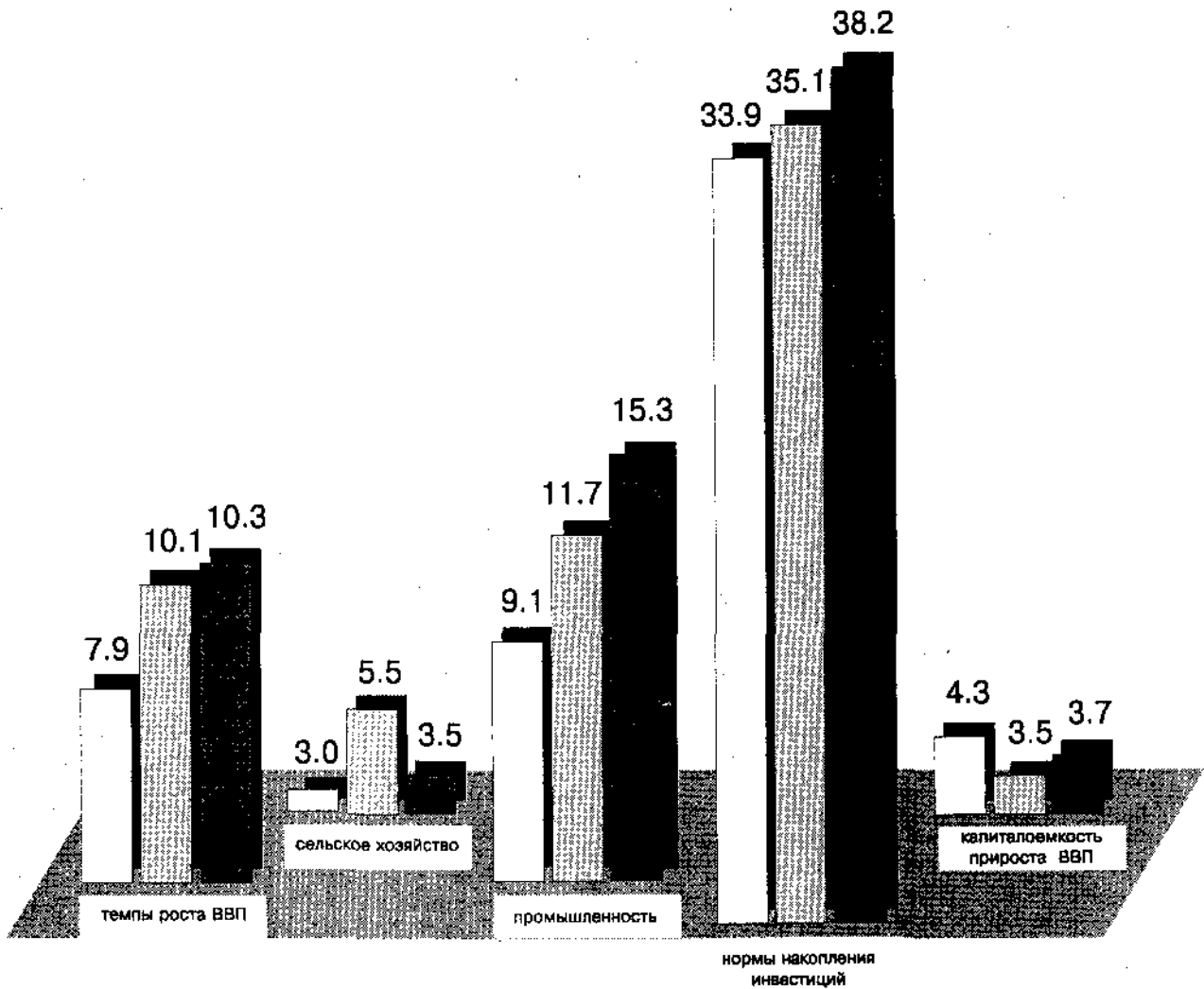

общественных форм, но важно, что они есть и набирают силу. В 1990 г. кооперативы обеспечивали лишь 10% совокупных доходов крестьян, тогда как приусадебные хозяйства — 40%.

В еще более явной и динамичной форме происходило преобразование структуры городского сектора экономики, особенно в последние годы в связи с массированным притоком иностранного капитала и начавшейся приватизацией государственных предприятий в акционерную и кооперативную собственность или путем сдачи их в аренду частным лицам.

В итоге в 1978-90 гг. доля негосударственных (кооперативных и частных) форм хозяйства в ВВП повысилась с 49 до 64%, а к 2000 г. возрастет, как полагают, до 75-80%. Тем не менее ключевые отрасли экономики, прежде всего, тяжелая промышленность и производственная инфраструктура, сохраняются в руках государства, а на долю государственного сектора, хотя его размеры относительно сузились, приходится примерно 1/5 ЭАН и 1/3 ВВП.

Во-вторых, значительно изменилась система регулирования. Если раньше главной формой управления экономическими процессами являлась жесткая система централизованного планирования, то с развитием рыночных отношений (как внутри государственного сектора, так и вне его) началось поэтапное сужение централизованного руководства экономикой и переход от директивных форм планирования к индикативным. Параллельно, наряду с расширением сферы рыночных отношений усложнялась ее структура — формирова-

ПАРАМЕТРЫ РАСШИРЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА В КНР

□ 1971-1980 г.г.   ▨ 1980-1990 г.г.   ■ 1991-1994 г.г.

лись рынки капитала и рабочей силы, а также недвижимости и земли. Правда, еще нельзя сказать, что эти рынки уже достаточно развиты и интегрированы, что, естественно, ограничивает действие закона стоимости в качестве всеобщего регулятора пропорций, но процесс, как говорят, пошел. В ходе него рынок обретает, конечно, свою логику движения, но под контролем государства. План, таким образом, уже не замещает рынок, а направляет его.

Параметры развития. Экономические реформы оказали очень мощное и в целом весьма положительное влияние на ход экономического развития страны. Прежде всего необходимо отметить чрезвычайно высокие темпы экономического роста. По этому показателю КНР не имеет себе равных в мире — 10% в среднем за 80-е и 90-е гг. против 2% по миру в целом, что объясняется исключительно высокой нормой накопления и сравнительно низкой капиталоемкостью приростов ВВП.

По масштабам ВВП, если мерить по официальному курсу юаня в долларах, КНР находится сейчас на восьмом в мире и выходит на третье место, если производить расчет по покупательной способности юаня, уступая лишь США и Японии. Предполагается, что по масштабам ВВП к 2010 г. КНР опередит Японию, а к 2020 г. догонит США.

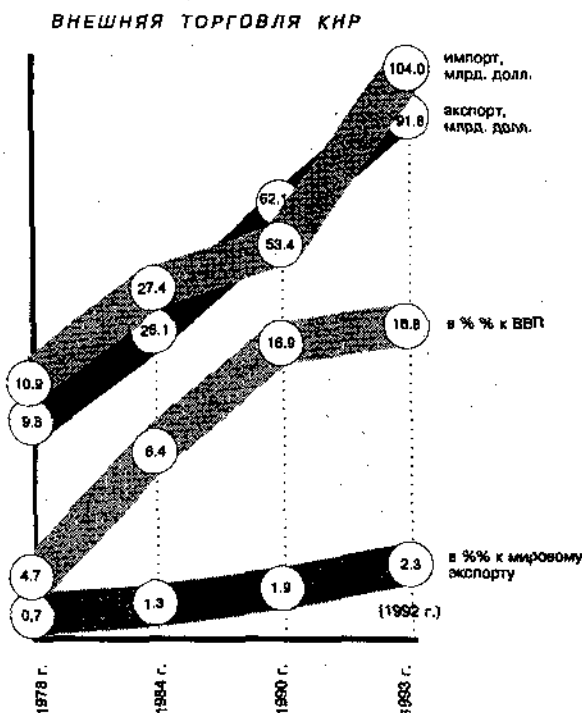
Взлет темпов промышленного производства в немалой степени объясняется бурным ростом мелкой промышленности, на долю которой приходится сейчас половина продукции городской промышленности и половина продукции сельского сектора. В двухуровневой экономике КНР мелкая промышленность выполняет важные балансирующие функции, не только насыщая рынок сравнительно простыми и дешевыми видами трудоемкой продукции потребительского и производственного назначения, но и обеспечивает массовую занятость населения, особенно в сельском секторе.

Заметнее стали сдвиги в технологическом уровне экономики, причем не только в ВПК, всегда обладавший высшим приоритетом, но и в других отраслях, особенно в экспортном секторе. Важность прорывов на этом стратегическом направлении трудно переоценить, поскольку, вступая в переходный период, экономика КНР технологически отставала от западных стран примерно на 40-50 лет, а задача состоит в том, чтобы к 2000 г. сократить это отставание до 30-40 лет, а к 2020 году — до 20-30 лет.

Следует, наконец, отметить феноменальные успехи КНР в развитии внешнеэкономических связей. Главный итог состоит в том, что эти связи из пассивного средства балансировки внутренних диспропор-

ций, т.е. затыкания дыр, превратились в мощный рычаг ускорения роста и повышения эффективности экономики. КНР — единственная из переходной группы стран, которая сумела не только сохранить, но и упрочить свои позиции в мировом хозяйстве.

Значительно выросли масштабы внешней торговли. В 1978-93 гг. при номинальном росте ВВП в 8,7 раза экспорт увеличился в 31,5 раза (в долларом

исчислении — в 9,4 раза), а его доля в мировом экспорте — с 0,7 до 2,3% (1992 г.), что следует считать выдающимся достижением для страны, в течение длительного времени придерживавшейся политики автаркии. КНР — одна из немногих переходных стран, которая в ходе реформ смогла не только сохранить, но и упрочить свои позиции в мировом хозяйстве.

Вместе с тем в ходе преобразований вскрылись многочисленные диспропорции, которые сдерживали развитие экономики. Природа этих диспропорций различна. Одни из них связаны со структурными особенностями экономики КНР, другие вызваны противоречиями в самих реформах.

Противоречия развития. К числу наиболее крупных диспропорций такого рода следует отнести:

— нарастание макроэкономического неравновесия между производством, накоплением и потреблением, выразившееся в резком столкновении инвестиционного и потребительского спроса, разбухшего реформой, со структурной инерционностью экономики и, как следствие, в мощном взлете цен, чему в немалой степени способствовали бюджетный дефицит государства и кредитно-денежная экспансия банков. При росте реального ВВП на 10% в год (1981-94 гг.), денежная масса в обращении (M-2) увеличивалась на 25%, а дефлятор ВВП — на 5% (1978-93 гг.). Однако в 1991-94 гг. инфляционные тенденции в экономике значительно усилились. Реальный ВВП вырос за этот период на 48%, денежная масса — на 158%, а цены — на 47%. В итоге государству пришлось периодически прибегать к ужесточению финансового и кредитно-денежного регули-

рования, чтобы умерить инфляцию и предотвратить перегрев экономики.

— обострение межотраслевых диспропорций, связанное с отставанием добывающей промышленности и производственной инфраструктуры и, конечно, самое главное, отставанием сельского хозяйства, которое оказалось (несмотря на реформы) наиболее слабым и наименее устойчивым звеном экономики КНР. С начала 80-х гг. предпринимались неоднократные попытки сблизить темпы роста сельского хозяйства и промышленности (было даже найдено "оптимальное" соотношение этих темпов), но всякий раз безуспешно. В 1981-94 гг. сельское хозяйство росло в три с лишним раза медленнее, чем промышленность, и почти в два раза медленнее, чем ВВП, что явилось главной причиной нарастающего неравновесия на рынке потребительских товаров и услуг.

— нарастание остроты проблемы занятости. Хотя темпы роста населения КНР значительно понизились (1,2% в 80-е гг. и менее 1% в текущем десятилетии), абсолютные размеры притока свободной рабочей силы таковы, что даже при столь стремительных темпах роста, как сегодня, экономика не в состоянии поглотить его полностью. Правда, с недавнего времени размеры городской безработицы были невелики — всего 2,5% в 1990 г., а проблема локализовалась главным образом сельским сектором, где примерно треть рабочей силы была избыточной. Но теперь, когда ограничения на сельскую миграцию в города сняты, а городская экономика не может обеспечить полную занятость городского населения, решение проблемы занятости может значительно осложниться.

— сравнительно низкая степень обеспеченности природными ресурсами. КНР — самая населенная страна в мире, но по степени обеспеченности промышленным сырьем занимает пятое место, в результате чего значительная часть потребностей в промышленном сырье покрывается за счет импорта (сталь-31%, медь-28%, алюминий-32%, лес-10%). Особую тревогу вызывает низкая степень обеспеченности земельными ресурсами — 22% мирового населения и 8% мировой площади обрабатываемой земли. В конце 70-х гг. в КНР обрабатывалось лишь 11% земельной площади (в Индии — 50%), а на душу населения приходилось всего 0,12 га (в Индии — 0,42 га).

— низкое качество экономического роста. Не секрет, что при нынешнем технологическом и ресурсном обеспечении экономики КНР главным средством поддержания высоких темпов ее роста является массивное наращение затрат капитала и особенно труда, а минимальный рост эффективности совокупных затрат обеспечивается пока за счет реформы хозяйственного механизма. В частности, в сельском хозяйстве (1978-94 гг.) доля интенсивных факторов в приросте продукта составила около 50%, а в промышленности (середина 80-х гг.) — примерно 10%. Однако в сельском хозяйстве первоначальный импульс, данный аграрной реформой, в значительной мере исчерпан, а развитие городской экономики сдерживается незавершенностью реформы в государственном секторе, жизнеспособность которого в значительной мере поддерживается бюджетным финансированием.